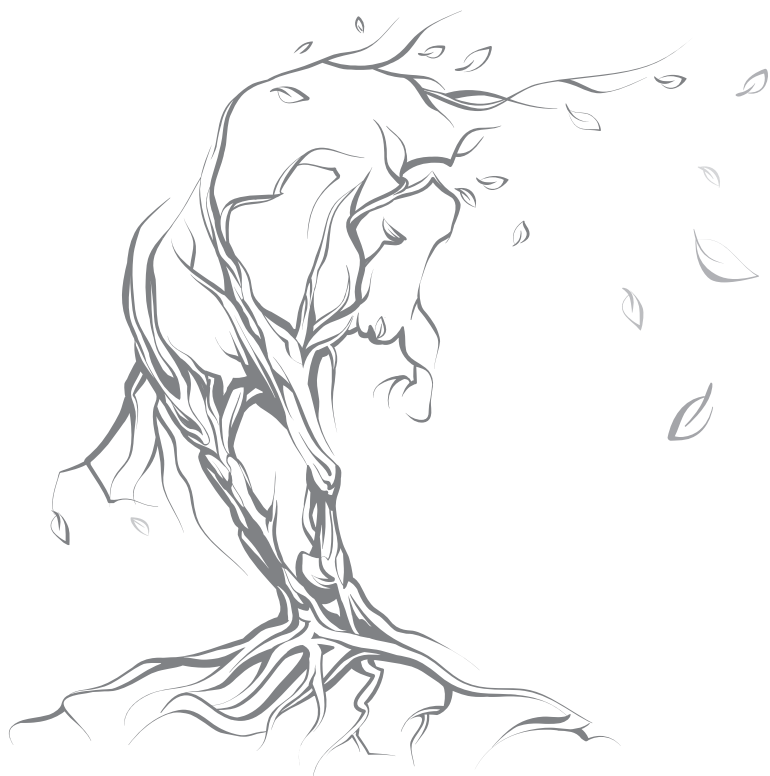


Оглавление

Часть первая	7
Один.....	9
Два	32
Три	54
Четыре.....	70
Пять	92
Шесть.....	109
Часть вторая	133
Семь.....	135
Восемь.....	154
Девять	172
Десять	196
Одиннадцать.....	216
Двенадцать.....	238
Тринадцать	250
Часть третья	277
Четырнадцать.....	279
Пятнадцать	298
Шестнадцать.....	312
Семнадцать	331
Об авторе	350

Всем бабочкам

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Кажется, будто над этой землей витают какие-то клонящие долу дремотные чары, которыми насыщен тут самый воздух... Несомненно, однако, что это место и поныне продолжает пребывать под каким-то заклятием, заморозившим умы его обитателей, живущих по этой причине среди непрерывных грез наяву. Они любят всяческие поверья, подвержены экстагическим состояниям и видениям; пред ними зачастую витают необыкновенные призраки, они слышат какую-то музыку и голоса.

*Вашингтон Ирвинг,
«Легенда о Сонной Лощине»**

* *Здесь и далее перевод А. Бобовича.*

ОДИН

Конечно, о Всаднике, несмотря на все старания Катрины, мне было известно. Если кто-то где-нибудь в пределах моей слышимости поднимал эту тему, Катрина тут же шикала на болтуна и косилась в мою сторону, как бы требуя: «Не говорите об этом при ребенке!»

Скажем прямо, разведать все, что мне хотелось узнать о Всаднике, было не так уж сложно, ведь дети всегда видят и слышат больше, чем полагают взрослые. Кроме того, историю о Всаднике без головы очень уж любили в Сонной Лощине — ее рассказывали и пересказывали едва ли не с момента основания деревни. Так что расспрашивать Сандера мне было практически не о чем. Кто ж не знает, что Всадник искал свою голову, поскольку ее у него не было. Потом Сандер поведал мне о школьном учителе, похожем на журавля и с журавлиной фамилией*, о том, как тот пытался ухлестывать за Катриной, и о том, как однажды ночью Всадник этого учителя унес и никто его больше уже не видел.

В моих мыслях бабушка и дедушка всегда были Катриной и Бромом, ведь легенда о Всаднике

* *Crane* (англ.), Крейн — журавль.

и журавле, о Катрине и Броне была неотъемлемой частью истории нашей Лощины, накрепко вплетенной в наши сердца и умы. Конечно, вслух по именам их было не назвать — Бром, пожалуй, не стал бы возражать, а вот Катрина очень сердилась, когда к ней обращались как-то иначе, кроме как «ома»*.

Всякий раз, когда кто-либо упоминал Всадника, в глазах бабушки появлялся какой-то лукавый блеск, и Бром начинал тихонько посмеиваться. Катрина тогда раздражалась еще сильнее, что заставляло полагать, будто Бром знает о Всаднике куда больше, чем говорит. Позже обнаружилось, что это, как и многое другое, было одновременно и так и не так.

В день, когда Кристоффеля ван ден Берга нашли в лесу без головы, мы с Сандером играли у ручья в «соннолощинских». Мы часто играли в эту игру. Интереснее было, конечно, когда народу много, но присоединиться к нам никто никогда не хотел.

— Значит, я буду Бромом Бонсом, который гонится за свиньей, а ты — Маркусом Баасом, и ты взберешься на то дерево, когда свинья приблизится. — Мой палец указал на клен, до низких ветвей которого Сандер мог с легкостью дотянуться.

Он, к вящей своей досаде, все еще оставался ниже меня ростом. Нам было по четырнадцать, и он полагал, что и ему пора вытянуться, как вытянулись уже многие мальчишки Лощины.

* Ома (гол.) — бабушка.

— Почему ты всегда Бром Бонс? — поморщился Сандер. — А я всегда тот, кого загоняют на дерево или на чью голову выплескивают эль.

— Он *мой* опа*. Кому же еще его изображать?

Сандер пнул подвернувшийся под ногу камень, и тот полетел в ручей, напугав зависшего под самой поверхностью лягушонка.

— Скучно играть, если никогда не становишься героем, — заявил он.

А ведь и правда, Сандер всегда был тем, кому достаются тычки и колотушки (потому что мой опа был несколько грубоват — уж мне-то это было известно, хотя моя любовь к нему превосходила любовь к чему бы то ни было на свете, — а мы постоянно играли в юного Брома Бонса и его банду). Поскольку Сандер был моим единственным другом и мне не хотелось его терять, следовало, пожалуй, уступить — пускай будет так, как хочется ему, по крайней мере в этот раз. Однако мне важно было сохранить возможность диктовать свои условия («ван Брунт никогда ни перед кем не склоняет голову», как говаривал Бром), так что мне пришлось изобразить внутреннюю борьбу.

— Ну, можно попробовать. Только, знаешь ли, это куда труднее. Тебе надо будет очень быстро бежать и одновременно очень громко смеяться, а еще не забывать, что ты гонишься за свиньей, и правильно хрюкать. Смеяться надо в точности как мой опа — оглушительно и заразительно. Ты *действительно* можешь все это сделать?

* Опа (гол.) — дедушка.

Сандер просиял:

— Могу, правда могу!

— Ладно. — Глубокий вздох был призван показать, что я не очень-то ему верю. — Я останусь тут, а ты отойдешь туда, а потом вернешься, гоня свинью.

Сандер покорно потрусил в сторону деревни, затем развернулся и надулся, чтобы казаться крупнее. И побежал ко мне, хохоча что есть мочи. Довольно громко, надо было признать, но совсем не так, как мой опа. У меня никогда не возникало сомнения: никто не умел смеяться так, как Бром. Смех дедушки — он был как рокот грома, накатывающийся, накатывающийся, а потом всей мощью обрушивающийся на тебя.

— Не забывай хрюкать.

— Хватит беспокоиться о том, что я делаю, — отозвался Сандер. — Ты у нас сейчас Маркус Баас, беззаботно несущий корзинку с провизией Арабелле Виссер.

Пришлось повернуться к Сандеру спиной, изображая, будто я тащу корзину, — на лице сама собой возникла самодовольная ухмылка, пускай Сандер и не мог ее увидеть. Мужчины, увивающиеся за женщинами, всегда казались мне баранами — все их достоинство улетучивалось, когда они кланялись да расшаркивались. А Маркус Баас и так выглядел баран-бараном — со своей-то круглой и плоской как блин физиономией и полным отсутствием подбородка. При виде Брома он всегда хмурился, пытаясь напустить на себя свирепость. А опа смеялся над ним, потому что всег-

да смеялся над всем и всеми, а мысль о том, что Маркус Баас может быть свирепым, была слишком глупа, чтобы рассматривать ее всерьез.

Сандер зафыркал, но, с его тонким голосом, свиньи из него не вышло — получился, скорее, скулеж забытой в гостинной маленькой собачонки.

Нет, надо было сказать Сандеру, чтобы хрюкал нормально. Пришлось разворачиваться — и тут мне послышался...

Топот лошадей. Нескольких, судя по звуку. Нескольких лошадей, спешащих в нашу сторону.

А Сандер, похоже, ничего не слышал — он вприпрыжку неся ко мне, размахивая перед собой руками и отвратительно хрюкая.

— Стой!

Сандер с удрученным видом затормозил.

— Не так уж я был плох, Бен.

— Да не в этом дело. Слушай.

— Лошади, — кивнул Сандер. — Быстро бегут.

— Интересно, куда они так торопятся? Давай спустимся к воде, чтобы нас не увидели с тропы.

— Зачем?

— Говорю же, чтобы нас не увидели.

— Но почему мы не хотим, чтобы нас увидели?

— Потому что, — пришлось нетерпеливо поманить Сандера, чтобы он шел за мной, — если они нас увидят, то могут отругать за то, что мы играем в лесу. Знаешь же, большинство местных думает, будто в лесу водятся привидения.

— Глупости, — фыркнул Сандер. — Сколько времени мы здесь проводим и никогда не видели никаких привидений.

— Вот именно.

Впрочем, ответ мой был не совсем искренним. Однажды мне послышалось что-то непонятное, а еще иногда казалось, будто, пока мы играем, кто-то следит за нами. Впрочем, слежка эта вроде бы не таила в себе угрозы.

— Хоть Всадник и живет в лесу, но точно не в этих местах, — продолжил Сандер. — Есть еще, конечно, ведьмы и гоблины, хотя их мы тоже никогда не видели.

— Да-да. Они тоже живут не здесь, верно? Мы тут в полной безопасности. Так что давай спускайся к воде, если не хочешь, чтобы нашей игре помешал какой-нибудь ворчливый взрослый.

Мне совершенно не хотелось влипать в неприятности, но просто необходимо было понять, куда это так спешат всадники. Если они нас заметят — ничего узнать не удастся как пить дать. Есть у взрослых такая скверная, раздражающая привычка — говорить детям, чтобы они не лезли не в свое дело.

Присев на корточки, мы затаились на берегу, у самой кромки воды. Мне пришлось хорошенько поджать ноги, иначе они оказались бы в воде, а Катрина непременно оборвет мне уши, заявись я домой в мокрых носках.

Ручей, у которого мы любили играть, почти везде протекал вдоль тропы, служившей всем главной дорогой через лес. Тропой пользовались в основном охотники, но даже на лошадях они никогда не осмеливались пересекать некую воображаемую границу, за которой деревья росли

ВСАДНИК. ЛЕГЕНДА СОННОЙ ЛОЩИНЫ

особенно густо и обитали ведьмы, и гоблины, и Всадник. Куда бы ни мчались через чащу наездники, едва ли цель их была дальше мили от того места, где устроились, выглядывая из-за насыпи, мы с Сандером.

Не прошло и нескольких секунд, как мимо нас пронеслась группа всадников. Их было с полдюжины — и среди них, к моему глубочайшему удивлению, обнаружился Бром. Бром, у которого было так много своих хозяйственных забот, что обычно он оставлял повседневные деревенские дела другим. Значит, случилось что-то действительно серьезное, если уж он покинул ферму в самый разгар сбора урожая.

Ни один мужчина не смотрел по сторонам, так что никто и не заметил наших макушек. Впрочем, всадники, похоже, вообще ничего не замечали. И выглядели мрачными, особенно мой опя, который, кажется, никогда и ни из-за чего не мрачнел.

— Пошли.

Мы выбрались обратно на тропу, и тут обнаружилось, что у меня вся куртка в грязи, особенно спереди. Нет, Катрина определенно открутит мне ухо.

— Если побежим что есть духу, догоним их.

— Зачем? — спросил Сандер.

Будучи несколько тяжелее меня, он не слишком любил бегать, предпочитая неторопливую ходьбу.

— Ты что, не видел, как они мчались? Уж точно не на охоту. Что-то стряслось.

— И? — Сандер вскинул взгляд к небу. — Время обеденное. Пора возвращаться.

Ну конечно, упустив шанс сыграть Брома Бонса, он думал теперь только о том, как набить пузо. Ему было совершенно плевать на то, что случилось в лесу. Меня же терзало жуткое любопытство. Что могло заставить всадников так спешить? Жизнь в Лощине не славилась захватывающими событиями. Дни тут по большей части соответствовали названию деревни — они были *сонными*. Несмотря на это — а может, именно поэтому, — мне всегда и все было интересно, и Катрина не уставала напоминать мне о том, что любопытство не добродетель.

— Ну, давай просто пройдем за ними немного. Если они заедут слишком далеко, мы сразу вернемся.

Сандер вздохнул. Ему и впрямь не хотелось никуда идти, но он, как и я, не хотел терять единственного друга.

— Хорошо. Пойдем. Недалеко. Но учти, я голоден и, если в скором времени не случится ничего интересного, отправлюсь домой.

— Отлично.

Никуда он без меня не мог отправиться, а у меня намерения возвращаться не было, пока мы не выяснили, куда и зачем поскакали всадники.

И мы пошли, стараясь находиться поближе к ручью — и держа ушки на макушке, ловя топот копыт. Что бы ни задумали взрослые, им наверняка не хотелось, чтобы дети отирались поблизости — как всегда, когда происходит что-нибудь интересное, — поэтому нам следовало хранить свое присутствие в тайне.